

Том О' Шантер

Уходят с улиц торгаши,
Купцы считают барыши,
Базарный день окончен славно.
Народ спешит к себе домой,
А мы сидим, пьем эль родной
И напиваемся исправно.
Что длинный путь, овраг, забор,
Болото, топь и косогор,
Нас отделявшие от дома,
Где жены хмурые сидят
И сердце гневом бережат,
Чтоб встретить нас раскатом грома?!
Наш Том все это испытал,
Когда из Эйра поспешал
В глухую ночь. Как всем известно,
Красою женщин повсеместно
Прославлен Эйр, а равно, – он
И честью граждан отличен.
О, если б, Том, ты был умней,
Чтоб внять советам Кэт своей!
Она не говорила, что ли,
Что ты бахвал, болтун, буян,
Что круглый год ты пьян и пьян,
Что с мельником ты при помоле
До одуренья пьешь и пьешь,
Что с кузнецом ты не вобьешь
Гвоздя в отверстие подковы, –
Как, глядь, – уж оба вы готовы,
Что даже ты в воскресный день
С кирктонской Дженни пьешь, как пень?
Тебе ль жена не говорила,
Что рано ль, поздно ль, все равно,
Уж попадешь ты в Дун на дно,
Иль в лапах ведьм тебя могила
У Алловейской церкви ждет,
Где мрачных духов тьма живет.
Ах, дамы! Плачу, как старуха,
Я, как подумаю порой,
Каких советов мудрых рой
Муж пропускает мимо уха!
Но к делу. День базарный был;
Народ с базара уходил.

Великолепно Том уселся
У очага под вечерок.
Пылал веселый огонек.
Том искрометной влагой грелся.
Башмачник Джонни пил рядком,
Товарищ верный и пьянчуга;
Его любил, как брата, Том,
И, славно потчuya друг друга,
Дни и недели напролет
Они кутили без забот.
Эль становился все смачнее,
Хозяйка с Томом все дружнее.
Они любезничали в смак;
Башмачник слышал прибаутки,
Хозяин – смех, хозяйка – шутки.
Пусть буря на дворе, как враг,
Ревет и стонет так и сяк, –
Она не устрошит их... Дудки!..
От их веселья впопыхах
Забота утопилась в эле.
Как пчелы, с медом на крылах,
Минуты счастья летели.
Король велик, а Том – бедняк,
А не страшится зла нимало.
Но наслажденье – пышный мак:
Чуть только сорвано, – увяло.
Как снег воздушный на реке,
Оно в одно мгновенье тает,
Сияньем северным играет
И исчезает вдалеке,
Иль, точно радуга средь бури,
Мелькнет, и нет его в лазури.
Кто сдержит времени полет
И волн прилив!? Настало время...
Пора домой... Уж полночь бьет...
Ужасный час... Том ногу в стремя, –
Миг... и уж скачет на пути,
Где ни души нельзя найти.
Злой ветер дул, что было сил,
Дождь, как из бочки, лил и лил,
Сверканье молний ночь глотала,
Гром грохотал, земля дрожала...
В такую ночь, – поймет дитя, –
Трудится дьявол не шутя.
Но ловко оседлавши Мег

(Она скакала лучше всех), –
Том мчится бешено, презрев
Топь, грязь и неба грозный гнев.
Держа одной рукой берет,
Мурлычет песню и – нет-нет,
Да поглядит назад иль вбок,
Чтоб леший вдруг не уволок.
Уж он близ церкви Алловейской,
Где слышен духов стон злодейский,
Уж он тот брод перемахнул,
Где в прошлогодье утонул
В снегу разносчик. Вот – береза,
Вот – камень, страшный, как угроза;
Пьянчужка Чарли там упал
И шею вдруг себе сломал.
Вот вереск, дальше – ряд надгробных
Развалин. Здесь, в камнях темных,
Дитя убитое нашли.
Вот над колодцем терн вдали,
А там – мать Мунго давилась...
Вдруг волны Дун пред ним разлил;
Сильнее бурный ветер взвыл,
И чаще молния змеилась.
Всё ближе, ближе гром гремит;
Деревья стонут, как больные,
И вот, сквозь листья прорезные,
Уж Алловейский храм блестит.
Огни мелькают в нем сквозь щели.
А в нем?.. Скакали в нем и пели.
О, Джон Ячменное Зерно!
Тобой нам мужество дано!
От эля зло нас не страшит,
С шафранной водки черт бежит.
В башке у Тома так шумело,
Что черта встретил бы он смело.
Но Мег застыла в удивленьи,
И только крепкое внушенье,
Да два пинка ее в пути
На свет заставили идти.
О, ужас! Ведьмы, домовые
Там пляшут пляски круговые;
То не французская кадриль,
А горпайпс, джиги, страспейс, риль –
Народный хоровод... Их пятки
Полны огня и лихорадки;

В окне с восточной стороны,
Приняв собаки вид косматый,
Ольд-ник сидит, трубач проклятый,
Какой же бал без сатаны?
Он приналег... Завыли трубы,
И стены дрогнули впотьмах,
И мертвецы, оскалая зубы,
В гробах предстали, как в шкафах.
У всех в руке похолоделой
Держалась волшебством свеча,
И в первом гробе Том наш смелый
Увидел жертву палача:
Лежали там убийцы кости...
В другом – младенцы, Божьи гости;
Там, – с ртом открытым, в страхе, – вор:
Обмотана веревкой шея...
В крови заржавевший топор
И пять секир – оплот злодея.
Подвязка... ей удушен был
Ребенок. Нож в крови... украдкой
Им сын родной отца убил;
Седины слиплись с рукояткой.
Три адвоката тут рядом
Защиты ложью, с языком,
Наружу вывернутым дерзко.
Сердца поповские в углах,
И много штук таких, что страх
Взглянуть на них, и страх, и мерзко...
Том все глядит, разиня рот.
Веселье дикое растет;
Гудят гудошники, и в пляске
Вся нечисть носится, как в сказке:
То вдруг присядут налету,
То завертятся... Вся в поту,
Дымясь от жара, старушонка,
Свои лохмотья сбросив прочь,
Плясать готовится всю ночь,
Визжа и вскрикивая звонко.
О, Том! Когда б то были все,
В цветущей, юной их красе
Девицы, и на них белели
Не из засаленной фланели
Рубахи, а из полотна,
Тогда б свои штаны сполна,
Свои единственные брюки

С их ворсом, отдал бы без муки
Ты за единый взгляд тайком
На птичек беленьких, о, Том!
Но ведьмы высохшие, в мыле,
И жеребенка б отвратили;
Один их вид стошнить бы мог,
А Том на этот счет был строг.
Но и среди них была красotka
Одна, известная на всем
Каррикском взморьи колдовством,
Гроза и ужас околотка.
Она губила злобно скот,
Суда топила каждый год,
Поля кругом опустошала.
Рубашка тонкая из льна,
В которой девочкой она
Резвилась, – ей не достигала
И до колен... Но, как могла,
Довольна ведьма ей была...
Ах, знала ль бабушка твоя,
Сорочкой наградив тебя,
Истратив все свое богатство,
Два фунта, – что... о, страх сказать!..
Что ведьма будет в ней плясать...
Ах, то ль еще не святотатство!
Но, муза, опусти крыло!
Оно, увы, изнемогло,
И воспевать нам не пристало,
Как Ненни прыгала, летала
(А девка, ай, была сильна!),
Как Том стоял ей очарован
И изумлен, и заколдован...
Что Том? Сам старый сатана
И тот на Ненни зеньи пялил
И от восторга зубы скалил...
И, вдруг, ломаясь так и смяк,
Стал кувыркаться, как дурак,
Том разум потерял, бедняжка...
«Бис! Бис! Короткая рубашка!» –
Он рявкнул вдруг, что было сил,
И вмиг один всё мрак покрыл.
И Мег рвануться не успела,
Как нечисть вся уж вон летела,
Как из дупла летит рой пчел,
Когда в него, и дик, и зол,

Влетает враг; как гончих стая,
Бежит за зайцем; как народ,
Базар весь всполошив, орет:
«Го-го-го-го... Держите вора!»
Так Мег бежит, а ведьмы – вслед,
И крику их названья нет.
Ах, Том, ты влопаешься!.. ясно!
И подпекут тебя в аду.
Домой ждет Кэт тебя напрасно...
О, Кэт, оплакивай беду!
Теперь скачи, Мег, что есть мочи,
И добирайся, в мраке ночи,
До моста, где ты с торжеством
Пред ними потрясешь хвостом:
Через ручей они не прыгнут...
Но прежде, чем тот мост достигнут,
Каким ты чертом на пути
Им в силах будешь потрясти?
Ведь Ненни всех опередила,
За ней – вся дьявольская сила,
Разъярена и взбешена...
Рванула Мег, и вмиг она
И Том – на безопасном месте...
Честь спасена... Но черт ли в чести
И в том, что жизнь она спасла?..
Ей ведьма хвост оторвала!
Прочтя рассказ мой немудреный,
Мужчина ль, юноша ль зеленый,
Остерегайтесь, если вас
Влечет к вину в недобрый час,
Иль перед вами замелькает
Рубашка куцая, дразня!
Пусть Том О' Шантр напоминает
Судьбу бесхвостого коня!